

*Кочиев Р.С.* Процессы ассимиляции и метисации населения Кавказского высокогорья с древнейших времен // *Расы и народы*. 1990, № 20.

*Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006.

*Тереножкин А.И.* Скифская культура // *Проблемы скифской археологии*. М., 1977.

*Тернавский Н.А.* Взаимодействие этнических культур Евразии и Кавказа. Краснодар, 2006.

*Д.В. Сень*

## ИЗ ИСТОРИИ «ДОНСКОГО ФРОНТИРА»: ОТНОШЕНИЯ КАЗАКОВ С ОСМАНСКИМ АЗОВОМ (XVII В.)

Азову принадлежала важная роль в истории «донского фронта», донских казаков, вероятно, не менее важная, чем даже роль Московского государства. Специальные исследования на эту тему только появляются; «Образы» Азова сильно влияли на настроения донского казачества, его активность, являясь одним из важнейших факторов его развития, по крайней мере, в XVII в. Пограничный Азов существенно влиял на характеристики фронтального пространства всего Дикого Поля, которое и оставалось фронтальным потому, что существовало *вне* государственных границ. При этом казачество отказывалось от многих норм поведения «метропольной» культуры, потому что фронтальное освобождал от обязательных норм поведения, границ Социального, установленного государством. А. Рибер, пишет, что в реальности пограничные линии (социальные или территориальные) склонны быть скорее пористыми, чем непроницаемыми. Казачество Дона вполне может быть отнесено к таким группам, для которых более актуально преодоление «границы» миров — как на ментальном, так и на профаном, реальном уровне — чем ее, границы, моделирование и, вероятно, поддержание. Другое дело, что наличие фронта вовсе не отрицает *напряжения*, присутствовавшего среди пересекавших пределы, например, крымской стороны Дона и устремлявшихся в Азов, на Кубань. Поэтому одна из задач тематических перспективных исследований — изучение тех дискурсов (функционировавших в среде элит, *тум*-«полукровок», нарушителей войскового права), которые влияли на многообразии практик общения донских казаков с «мусульманскими миром».

Азов («мечта об Азове») занимал ключевое место в образах воображаемой географии казаков, связанных с «границей миров», являясь местом притягательным и опасным одновременно, центром, подчеркивавшим *напряжение* существования казачества на границе Дикого поля, манящим своими богатствами и пугающим своей мощью. Образ дипломатического партнера, обладателя информации, важной для Войска Донского, также присутствовал в характеристиках Азова, имевших первостепенное значение для казаков. Так, в 1655 г. актуальным было свидетельство о том, что «у донских де казаков с азовцы мир... а замирено де... на том, что им друг другу про всякие вести сказывать». При этом любопытно отметить, что на тот момент стороны временно находились в ссоре — оказалось, что, несмотря на предоставление азовцами «турских» и «крымских» вестей, казаки перестали общаться туркам, например, о содержании грамот, присылаемых на Дон. Каналы информации, подчеркну, проникали не только, скажем, в общество «городовых азовских людей», но порой представлены уровнем азовского бея, уточняясь и перепроверяясь. Конечно, об идеализации отношений говорить не приходится — в 1650-х гг. донцы вновь (и безуспешно!) пытаются взять штурмом крепость Азов, незадолго до того вновь отстроенную турками.

В 1685 г. донцы тайно вышли в море в составе 300 человек — «а прошли де они Азов Казачьим ерком. А в то де число у казаков с азовцы было перемирье, а как де казаки на море прошли тайно, и в то де число с азовцы из Черкасского казаки розмирились» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 3)<sup>1</sup>. Речь идет о явлении, фрагментарно изученном в науке — процедуре «замирения» и «розмирения» донских казаков с Азовом. Крестное целование нанесло мощный удар по самостоятельности донцов в указанном процессе. Впрочем, еще летом 1671 г. казаки сообщали, что «они с азовцы в миру на том, что им, казаком, под Азов и мимо Азова на море стругами не ходить, так же и им, азовцом, в казачьи городки войною не ходить же». Имелись, конечно, иные измерения «мировых» практик — в т.ч. в сфере экономической, сохранявшие важное значение для обеих сторон. Сроки, на период которых действовали соглашения подобного рода, каждый раз были разными — до нескольких месяцев, вплоть до появления формулировки «безсрочно на сколько время они меж собой похотят». Как правило, в период «замирения» резко активизировались торговые контакты сторон — казаки отправлялись в Азов, турки — в Черкасск; предметами торговли называются «всякие товары и харчи», скот, дрова. «Замирение» влекло за собой временное прекращение столкновений, причем указанному принципу стороны, очевидно, старались тщательно следовать. Своеобразие такого положения фиксировали и сторонние наблюдатели, например, в 1675 г.: «А с Азовцы де у Донских казаков замирено. Доведены покамест вода скроетца и для того с Азовцы никаких боев не было...»

Из отписки Войска, привезенной в Москву зимовой станицей Л. Федорова (декабрь 1685 г.), находим новый случай из истории интересующего нас явления. Причины «розмира» с турками виделись казакам в том, что «азовцы, за миром и за душами своими многие нам неправды чинили и обиды великие своим бездушием, и обманом казаков наших во многих местех многих людей побрали...» (Там же. Д. 11. Л. 2). Любопытно, что при описании подробностей донцы ссылаются на *традицию*, т.е. прежние практики «замирения» с азовцами — «им (казакам. — Д.С.) азовцы ниже донецково верхнева устья ездить не велят же, а в прежних... мирах ничего от них того нам не бывало. И в мировых наших того не писано, а у нас в тех местах звериные ухожьи и рыбные ловли...» (Там же). Можно отметить и такую деталь, ускользавшую, как правило, от внимания специалистов — процедура очередного «замирения» сопровождалась, очевидно, письменной фиксацией, т.е. она была развитой, знаковой (семиотически) маркированной.

Процедура «замирения» включала в себя конкретный переговорный процесс, на который Москва склонна была периодически «закрывать глаза». Казаки из легкой станицы атамана В. Алексеева и есаула Т. Филипова сообщали в феврале 1686 г., что за день «до Николы», т.е. в декабре 1685 г., на Дон приезжали «мириться» азовцы. «Мировщиками» от Войска выступили тогда К. Матвеев (Чюрносов), В. Волошепин, П. Сергеев, О. Чеботарь (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 3. Л. 6). В частности, речь зашла о взаимной отдаче «побранного» — «а естли отдано не будет, и то перемирие не удержитца...». Мартовской отпиской 1686 г. Войско Донское сообщало харьковскому полковнику К. Донцу о новом мире с азовцами, предлагая «учинить» по царскому указу «торским жителем и маяцким и иным русских городов людем, под Азов и под Крым и в Ногаи и в черкесы войною ходить не велить, а они тако ж войною приходить не будут...» (Там же. Д.6. Л.2). Интересно, что казаки предлагали снабжать их информацией их о выходах с «Руси» — с тем, чтобы вовремя передавая ее азовцам, избежать ненужных конфликтов. Грамотой от 1 марта 1686 г. цари повелевали Войску жить в «миру» с «азовскими и крымским людами» — казакам запрещалось без царского указа ходить «войною» как под Азов, так «под крымские юрты и под нагайские села». Вместе с тем царизм одобрительно отнесся к очередному замирению донских казаков с Азовом, даже признав легитимность процедуры согласно «войскового обычая». Следовательно, соответствующее отношение Москвы к таким акциям (ситуативно ей выгодным) не всегда продуктивно изучать в контексте несколько прямолинейной трактовки проблемы — «наступления правительства на политическую автономию донского казачества» (по С.И. Рябову). Многолетний и упорядоченный характер практик «замирения» и «розмирения», перспективы изучения которых очевидны, позволяют (на основании изучения Донских дел, как опубликованных, так и неопубликованных) прийти к предварительному выводу об их

важности не только в сохранении (повышении?) определенного уровня благосостояния казаков, но в истории более общих процессов адаптации казаков к условиям Дикого Поля и Донской земли как его части.

\*\*\*

<sup>1</sup> РГАДА — Российский государственный архив древних актов

*Т.Е. Дзеранов*

## **ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОСЕТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДО И ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ В РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО<sup>1</sup>**

Основой формирования осетинского этноса были североиранские племена, обитавшие в степях и в предгорье Северного Кавказа (скифы, сарматы, аланы), проникавшие и оседавшие в ущельях центральной части Большого Кавказского хребта. Самобытная культура этих племен была унаследована и развита предками осетин, оказала влияние на развитие культуры других народов региона.

Процесс развития культуры предков осетин и других северокавказских народов проходил дискретно. Из азиатских степей через их территорию волнами проходили втянутые в великое переселение кочевые народы. Некоторые из этих народов, ушли далее на запад. Другие оседали, и в течение определенного времени доминировали на Северном Кавказе; их контакты с коренным населением приводили к трансформации культурных традиций жителей гор и степей региона.

Заметное влияние на все сферы жизни населения Кавказа оказывали борющиеся за господство в регионе державы — Иран, Арабский халифат, Византия и Турция, использовавшие при этом религию.

Формирование этнической общности предков осетин — алан, начавшееся в степях Средней Азии, завершилось на Северном Кавказе, в пределах доминировавших в регионе средневековых государств — Хазарского каганата, Алании и Золотой Орды. В начале X в., приняв от Византии православие, Алания становится частью христианского мира; аланская православная церковь продолжала действовать и в золотоордынский период.